

Р2
Ф33

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Л

МОСКВА ДЕТСКАЯ ЛИПЦОВКА
7.89.1.4

013951

P2
P33

ПОЭТИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕЧКА
ШКОЛЬНИКА

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

М-99546-4

Профсоюз

БИБЛИОТЕКА

САДОВОДОВ И ПАРКОВ

«Бурякискала 1»

Кив. № _____

промышленности

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1987

39
880

Р 2
Ф 33

Художник
Н. КРАПИВИН

Ф $\frac{4803010102-245}{M101(03)87}$ 391-87

© Состав. Статья. Оформление.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1987 г.

СЛОВО О ДРУГЕ

*Мне с жизнью моей
Была вручена
Святая трагедия века.*

Василий Федоров

Горе почти всегда приходит к нам неожиданно...

19 апреля 1984 года...

Полдень. Долгий, тревожный телефонный звонок. Слышу взволнованный голос поэта.

— Простите, беспокою вас, зная вашу многолетнюю дружбу с Василием Дмитриевичем Федоровым.

— Что с ним? Он же на днях вылетел на Кавказ подлечиться, поработать над новыми стихами.

Трубка молчит. Пауза затягивается. Растет тревога.

— Что, что случилось с Василием Дмитриевичем?

— Инфаркт. Неправимая катастрофа. Василий Дмитриевич умер сегодня в Ессентуках...

Не могу произнести ни единого слова. Щемящая боль полоснула по сердцу, сковала душу.

Невозможно представить, что больше не будет ходить по русской земле этот светлый, благороднейший человек: что перестало биться сердце поэта, от которого всем нам долгие годы было так душевно тепло!

Невозможно поверить в эту смерть!

Еще совсем недавно, перед отъездом Василия Дмитриевича на юг, мы встречались с ним неоднократно. Я был у него дома, на Кутузовском проспекте, был на даче в Перелюбикине — вместе с работниками телевидения мы снимали

большую передачу о Федорове, снимали весь день. Несколько часов кряду шел откровеннейший, во многом поучительный для всех присутствующих разговор о делах литературных и о жизни, о книгах Федорова, новых его стихах и прозе — рассказах из задуманного им цикла «Сны поэта».

Кто встречался с Василием Дмитриевичем, хорошо знает, какой он был живой и мудрый собеседник. Каждое общение с ним, его стихами обогащало нравственно, духовно. Он — личность. Яркая. Самобытная. Дерзкая. С русским, по-сибирски широким, задушевым, прямым характером, когда надо, весьма крутым по отношению к злу и несправде. Личность, притягивающая к себе. Телевизионщики, снимающие в тот день Василия Федорова, были буквально покорены его естественностью, простотой, скромностью, мудростью суждений, философской глубиной, эмоциональной энергией, заключенной в его стихах и поэмах...

Да Винчи говорил:
Когда вы захотите
Какой-нибудь реке
Дать новый,
Лучший путь.
Вы как бы
У самой реки спросите,
Куда б она сама
Хотела повернуть.

Мысль Леонардо!
Обновись, и шествуй,
И вечно торжествуй
На родине моей.
Природа и сама
Стремится
К совершенству.
Не мучайте ее,
А помогайте ей!

Стихам этим скоро четверть века, а кажется, что написаны они сегодня, когда идут жаркие споры и дискуссии о возможном повороте северных рек России на юг.

Как это мудро, справедливо, народно: не мучайте, а помогайте! Иначе в будущем произойдет самое страшное и непоправимое: не только окончательно разрушится гармония красоты природы, но в конце концов может погибнуть и само человечество. Мысль эта с особой полемической остротностью выражена в знаменитом стихотворении Василия Федорова — «Пророчество»:

Меня охватывает дрожь,
Когда смотрю
В провал заклятый.
О человечество,
Куда ты,
Куда ты, милое,
Идешь?

.....

Земли
Не вечна благодать.
Когда далекого потомка
Ты пустишь по миру
С котомкой,
Ей будет
Нечего подать.

Пожалуй, тогда, в начале шестидесятых годов, впервые в нашей поэзии с такой обжигающей душу правдой и гражданской бескомпромиссностью говорилось об одной из острейших и злободневнейших проблем нашего века; говорилось до принятия исторических законов об охране природы нашим социалистическим государством. до того, как наиболее дальновидные умы человечества начали объединять свои усилия, чтобы сохранить природу нашей планеты...

Вечером того же дня мы долго беседовали по телефону.

— Очевидно, изредка это надо делать. — заметил Василий Дмитриевич, который всегда был чужд эстрадной суеты и телеажиотажа, характерного для иных стихотворцев. К тому же, если быть откровенным до конца, радио, телевидение, критика не очень-то допекали своим вниманием Василия Федорова, вплоть до его шестидесятилетия.

На следующий день после телесъемки Василий Дмитриевич записывался в «Мелодии» на пластинку. Первую в его жизни. Позвонил редактор. Радостный. Сказал, что запись отличная.

— Как читал Василий Дмитриевич! Какие стихи!

Кто мог знать, что этой записи суждено было стать последней, завещательной. Хорошо, что она состоялась.

Думал ли обо всем этом Василий Дмитриевич, собираясь на Кавказ? Вряд ли. А возможно, было и у него интуитивное предчувствие надвигающегося конца. Душа истинного поэта всегда обнажена, как самый чувствительный радар. Кто знает...

Если спросят, что так мало жил я,
Ты в своем ответе не таи
То, что я страдания чужие
Принимал все время как свои.

Взлетной полосой в мир поэзии и вечной красоты для Василия Федорова счастливо стала затерявшаяся в сибирских даях деревня Марьевка. «Я даже не представлял, — скажет он однажды, — что можно было жить где-то, кроме Марьевки».

Он каждый год подолгу жил на родине. Отсюда с особой ясностью открывался ему весь мир:

Одной цепи я вижу звенья,
Сработанные не вчера:
И мировые потрясения,
И горе одного двора.

Многое должен поэт увидеть, почувствовать, передумать, а главное — ПЕРЕЖИТЬ вместе с народом и радости и горе, чтобы в его сердце родились такие обжигающие душу строки.

Случается, поэт пишет о горе одного двора, не касаясь при этом «мировых потрясений». Таким стихам не хватает масштабности чувств, философского осмысления мира. В лучшем случае они лишь полуправда.

Случается — наоборот: увлеченный вселенским размахом, поэт теряет из виду «горе одного двора», теряет человека. Такие стихи, как правило, абстрактно-рассудочны и риторичны.

По-настоящему трагедийна, глубоко правдива, гуманна, патриотична лишь та поэзия, которая стремится к философскому осмыслению коренных социальных и нравственных конфликтов своей эпохи, к показу неразрывного единства судьбы народной и судьбы человеческой.

Таковы стихи и поэмы выдающегося русского советского поэта Василия Дмитриевича Федорова.

Он был убежден, что «поэт не может быть счастливым в тревожные для мира дни», что «все несовершенства мира лежат на совести его».

Как прекрасно, что эти высокие слова у Василия Дмитриевича не расходились с его делами, творчеством, судьбой, его стихами и поэмами, будь то «Золотая жила» или «Белая роща», «Проданная Венера» или «Бетховен», «Седьмое небо» или «Женитьба Дон-Жуана».

Душа истинного поэта всегда напряжена, всегда испытывает колоссальные нравственные, моральные, эмоциональные перегрузки. Своими пророческими стихами такой поэт, случается, вызывает огонь на себя, вызывает ради истины, ради будущего.

Наше время такое:
Живем от борьбы
До борьбы.

Мы не знаем покоя, —
То в поту,
То в крови наши лбы.
Ну а если
Нам до ста
Не придется дожить,
Значит, было непросто
В мире
Первыми быть.

Василий Федоров постоянно и неудержимо бросал себя в крутой водоворот народной жизни, открыто шел навстречу «святой трагедии века».

Цельность натуры, искренность чувств, романтика постоянства, любовь, делающая жизнь прекрасной, неприятие всего мещанского, что убивает, калечит душу, — таковы некоторые отличительные черты его лирического героя.

Слушая исповедь нежного и мужественного сердца, полного доброты к людям, вы начинаете чувствовать, как светлест у вас на душе, окружающий мир приобретает новые очертания и краски. «По тому, как людям любится, здоровье мира узнают», — справедливо утверждал поэт.

Он, Василий Дмитриевич, любил родную землю, любил жизнь. На одной из своих книг, еще в 1976 году, он писал мне: «Дорогой мой... Дай нам бог побольше быть на этом единственном свете! Вас. Федоров».

Умер поэт. Жива его поэзия, его бессмертное слово.

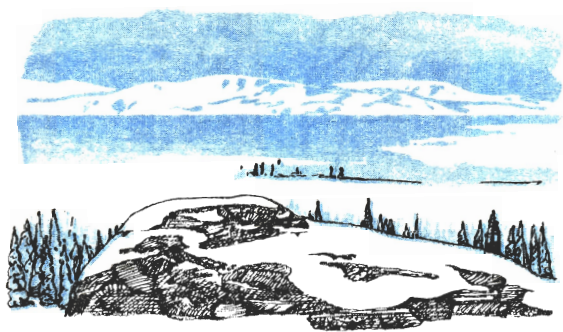
Пройдет время. Будет издано многотомное собрание сочинений Василия Федорова. Его поэзия, проза, публицистика, критика, эпистолярное наследие. И тогда, на расстоянии, предстанет во всей полноте и значимости его выдающийся вклад в сокровищницу отечественной и мировой духовной культуры.

Юрий Прокушев

Апрель — июнь 1984 г.

НА РОДИНЕ МОЕЙ

*

Имел бы я
Всеобщий ум пророка,
Я б заглянул
В грядущие года:
Куда меня,
Взметенная высоко,
Пригонит жизни
Быстрая волна?

Имел бы я
Магические призмы,
Я подсмотрел бы
Вопреки годам,
Что даст мне мир,
В который был я призван,
И что я сам
За это миру дам.

Хотя б на миг
Из тех далеких далей
Единый миг
Приблизился ко мне,
Чтобы понять,
Зачем меня призвали,
Что должен я
Исполнить на земле.

*

Прощай, село!
Я сын твоих полей.
Мне мил простор твоих зеленых пашен.
В прощальный час торжественно налей
Свой дикий хмель в приподнятую чашу.

В твоих чертах
Суровый признак есть.
И пусть я рос, по-детски мало нежась, —
В моей груди все время будет цвести
Твоих лесов невянущая свежесть.

Мою страну
Не обойти в года.
Есть много мест,
Прославленных другими,
Но никому я счастья не отдам
Нести твое немеркнувшее имя.

Промчится время — много, много лет,
Посмотрят люди, спросят мимоходом:
— Откуда он? —
И скажут им в ответ:
— Он — марьевский
И поступью и родом.

*

Нелегко
Рожденному в Сибири
Нежным быть в метельном мятеже
И слова тяжелые, как гири,
День за днем вынашивать в душе.

Слово — это тяжесть,
Слово — это
До поры неустранимый гнет.
Иль оно пригнет к земле поэта,
Иль поэт
Им недруга уьет.

*

На родине моей
Повыпали снега,
Бушует ветер в рощах голых.
На родине моей,
Должно, шумит пурга
И печи топятся в притихших селах.

Приветом детства
Встала предо мной
С годами позабытая картина:
Горит луна,
И смутно под луной
Поблескивает снежная равнина.

Отбушевав,
Снега притихли — спят.
Среди снегов, запорошивших вербу,
Полозья одинокие скрипят,
Как будто жалуются небу.

Сместилось все
В сознании моем:
Как будто брежу дальними огнями
И в полушубке стареньком своем
Шагаю за скрипучими санями.

Вновь мерзну,
А дорога далека,
Сугробам белым нет конца и краю.
На родине моей
Повыпали снега,
Я их люблю,
За что — и сам не знаю.

НА БЕРЕГУ

Бегут круги,
Кружки,
Кружинки...
Мальчонки взмахами уды
Золотобокие кувшинки
Вытаскивают из воды.

Мне слышно,
Как они смеются,
И видно:
На волне крутой
Большая лилия, как блюдо,
Наполнилась живой водой.

Открылись розовые стоки.
Как будто,
Лилию клооя,
Пахучие земные соки
Переливаются в меня.

Все поражает новым смыслом.
Вон девушка,
Моей под стать,
Качается под коромыслом,
Чтобы воды не расплескать.

Все видится
В ином значенье.
Вон легкий ветерок повлек
По серебристому течению
Кружащий селезнем валеж.

А женщина,
Слимая с плахи,

рабочих

БИБЛИОТЕКА
ШАХТНОМІ ШЕХТЫ
„Барюнинская I“
Инв. № _____

профсоюз

ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Развешивает на кусты
Не очень новые рубахи
И очень свежие холсты...

И может быть,
Моих открытий
Глухому сердцу не понять,
Войной оборванные нити
Соединяются опять.

В душе
Ни боли,
Ни страданья,
В душе зажегся робкий свет.
Как долго шел я на свиданье,
Отложенное на пять лет.

Но сердце многого не знает,
Когда у тихих берегов,
Стуча,
Само напоминает
Забывтый звук ее шагов.

Давно их нет.
За датой дата
Проходит в памяти...
Прогнать?!
Нет, все, что я любил когда-то,
Я не могу не вспоминать.

*

Я не люблю немые реки,
Я говорливые люблю,
Их перекатные разбеги
И волн веселую гульбу.

Не сорванными якорями,
В глуби обретшими покой, —
Они богаты пескарями...
Я, тихий, вырос на такой.

Река моя
Меж берегами
То меркнет, то в лучах горит.
Она с веселыми стрижами
О чем-то нежном говорит.

Да, не со мной,
Жалевшим время
На ласку этих милых вод,
А разговаривает с теми,
Кто прилетает каждый год.

Ворчит,
Как будто мне двенадцать,
Все сердится, а я молчу,
Хотя и мог бы оправдаться,
Но оправдаться не хочу.

Лежу.
Гляжу в туман глубинный,
Где окунь водит плавником.
Как перед женщиной любимой,
Мне, виноватому,
Легко.

*

Я шел тропой.
След детства моего
Заштопан был щетинкою зеленой,
Но, как и прежде, у сырых обочин
Цвел пышный дягиль и росла куга.

А чуть повыше —
За дымком зеленым
Молоденьких берез, стоявших рядом,
Черемуха белела, словно платье
Подружки, караулившей меня.

Мне вспомнилась она.
Меж тем тропинка
Вела меня все дальше:
На опушке
Открылось мне село и на отлете —
Двор МТС и пятистенный дом.

Я подошел к крыльцу, и, не гадая,
Не думая о том, как в доме встретят,
Поднялся я на шаткие ступени,
Тихонько постучался и вошел.

Меня не ждали.

Мальчик крикнул:

— Мама! —

На зов его из комнаты соседней

Метнулась женщина, она спросила:

— Вы не к Сергею?

— Нет, я не к Сергею...

— А вам кого?

— Наташу... —

Удивленно

Взлетели брови, и густой румянец

Залил ее лицо, она сказала

Застенчиво и тихо:

— Я Наташа...

Сказала так застенчиво и тихо,

Как будто предо мною извинялась

За то, что лишь девическое имя

Сквозь годы пронесла без перемен.

Что говорить, она была красива

Неяркою, но милой красотою —

С большими незнакомыми глазами,

С чужим лицом и голосом чужим.

— Так это же ведь ты?! —

И засмеялась

Тем радостным и тем задорным смехом,

Как будто это прежняя Наташа,

В ней спрятанная,
Голос подала.

Сначала голос, а минутой позже
Я видел на лице ее красивом,
Хоть все еще чужом и незнакомом,
Те прежние, Наташины глаза.

И странно было видеть, как, менясь
И голосом, и жестом, и глазами,
То девочка заговорит со мною,
То женщина степенно перебьёт...

В своей любви двоиться не умея,
Их слушая, я понял по всему,
Что женщина была верна Сергею,
А девочка, как прежде,
Не ему...

*

Цветы,
Родившиеся ночью,
Заголубли на заре,
Как будто порванное в клочья,
Лежало небо на траве.

Я вспомнил
Слышанное где-то,
Что небо, захотев вздремнуть,
Ложится на земную грудь
И отдыхает до рассвета.

ОЗЕРО КАЙДОР

Мне память горше,
Чем родни укор.
В моей деревне,
Что стоит высоко,
Есть озеро по имени Кайдор,
Все в звездах лилий
И в кудрях осоки.

Есть уголок среди травы густой,
Где можно искупаться и напиться;
Есть бухточка, где бережок крутой
Всегда в следах
Точеного копытца.

Как тот больной,
Что беспричинно чах,
Шел я лечиться к одному, к другому
И, разуверившись во всех врачах,
Побрел с поклоном к знахарю седому.

В обход деревни
По густой стерне
Несу Кайдору боли и невзгоды.
Здесь,
Прежде чем пойти к своей родне,
Я исполняю ритуал прихода.

А приходить стараюсь на заре,
В тот ранний час,
Когда туманны дали,
Чтоб из домов, стоящих на горе,
Меня ничьи глаза
Не увидали.

И мы вдвоем:
Лишь озеро да я —
Душа моя да сонных вод разливнось,
И, ничего на сердце не тая,
Снимаю все —
Одежду и стыдливость.

Шепчу воде:
«Как в детстве, обними,
Дай чистой ласки маленькую малость!
Сними печаль,
Сними с меня усталость
И тяжесть лет добавленных
Сними!

Я был доверчив,
Стал я к людям строже,
Порой смолчу и чувства утаю.
Я трижды был обманутым,
И все же
Ты мне верни доверчивость мою.

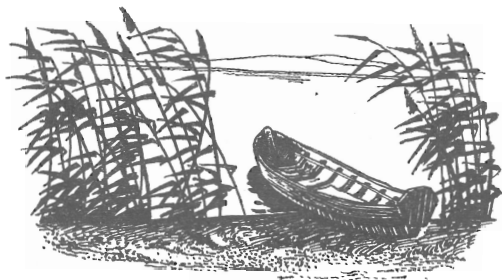
Пусть ошибусь,
Пусть огорчат, расстроят,
Пусть снова заблужусь
В сердцах людских.
И все-таки уверен — люди стоят,
Чтоб жизнью,
Счастьем я платил за них!»

Так я веду
Языческие речи,
А сам иду.
Вода уже по грудь.
Вода уже давно покрыла плечи,

Вода все выше, выше...
Не вздохнуть.

Меня вода Кайдорова милует, —
Должно быть, я воде ответно люб.
Она целует в губы,
В лоб целует
И поправляет поредевший чуб...

Мне память горше,
Чем родни укор, —
Уже три года в час отдохновенья
Не приходил я к озеру Кайдор,
Не исполнял обряда
Обновленья.

РУССКАЯ СКАЗКА

До жалости,
До огорченья
Меня волнует
С детских дней
Таинственное обращенье
Людей в животных
И зверей.

Мороз по коже,
Дыбом волосы,
Когда, уставя умный взгляд,
Они в беде заговорят
Тоскливым
Человечьим голосом.

Когда в лягушку
Камень бросят,
Она — о, боль моя и грусть! —
«Не убивай меня, — попросит, —
Тебе я в жизни пригожусь...»

Но вот
Копытом конь забил,
Заговорил, измаян бегом:
«Я был когда-то человеком,
Я тоже девушку любил.
Меня оборотил Кощей...»

Что сказка?
Вымысел и шутка.
Но станет пасмурно и жутко
От этих колдовских речей.

А вдруг
И я уже другой,
Какой-нибудь зверино-птичий,
И в этом жалостном обличье
Неузнаваемый тобой?!

Взмолюсь
И попрошу возврата
К тому, как жил,
Страдал, любил...
Не убивай меня!
Когда-то
Я тоже человеком был.

*

До того,
Как среди множества прочих
На твоей появиться земле,
Мимо звезд, набегавших из ночи,
На стальном я летел корабле.

Наши сроки межзвездные кратки:
Там минута — здесь жизнь.
Не таю,
Лишь на время одной пересадки
Забежал я на землю твою.

Забежал,
У огня отогрелся
И так многое сделать хотел,
Но в глаза я твои загляделся
И успеть
Ничего не успел.

А меня уже —
Ты ведь не слышишь —
Мой корабль отдохнувший зовет;
Тише ветра,
Дыхания тише
Он сигналы свои подает.

И хочу я
Согласно науке,
Чтобы ты уже с первого дня
Бесконечной
Последней разлуки
Улетевшим считала меня.

КУЗЬМИХА

В моей деревне,
Прозябавшей тихо,
Жила-была
Столетняя Кузьмиха.

На диво
Бородатым мужикам
Она весь день
Помалу, помаленьку
То родники почистит,
То ступеньки
На спусках
К приозерным родникам.

Те родники,
Что родила гора,
Бежали к озеру,
Уже разумны,
Звенели,
Как натянутые струны
Под призрачной рукою
Гусяра.

Кузьмихи жизнь
Была уже темна,
Но на горе,
Прислушиваясь к пенью,
Вдруг обретала
Слух она и зренье,
Когда смолкала
Хоть одна струна.

С присловицей туманной:
«Что, ин да?» —

Она спускалась с заступом,
Как другом,
Мудрила что-то над струной.
И та
Через минуту
Набухала звуком.

Тогда она шептала:
«Мол, ин да!» —
И уносила
Сухонькое тело,
А в руслах
Родниковая вода,
Подобно гуслиам,
Пела, пела, пела!

Есть тайна жизни
В каждом роднике,
Он может умереть,
Лишенный бега.
Полвека мне,
И вот через полвека
Кузьмихин заступ
У меня в руке.

В тени
Берегового закутка
Два голоса,
Две ноты трепетаний:
Один глубокий —
Из земной гортани,
Другой звончее —
С моего лотка.

ЗЕМЛЯ

Почуя сердцем
Внеземную тягу,
Однажды в ночь
Я вышел за село.
Земля, как утомленный работяга,
Лежала и вздыхала тяжело.

В таинственных
Долинах небосвода
Подружки-звезды
В блестках золотых
Веселые водили хороводы,
А ей, усталой,
Было не до них.

Сама звездой
Она сияла прежде,
Теперь лежала
В молодых мирах
В своей лесной
И травяной одежде,
Простершейся
На мускульных буграх.

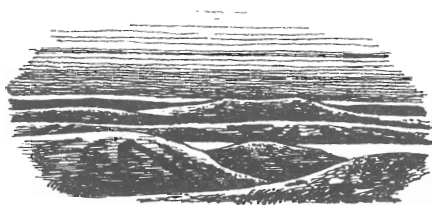
Ловил мой слух,
Как трудно сердце билось
В чередованье
Спадов и прыжков.
Что ж, накрутилась,
Дымом накурилась,
Лечебных наглоталась порошков!

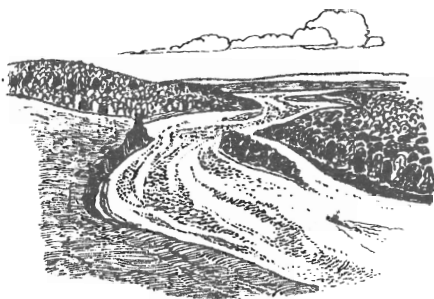
Еще бы жить
Да жить моей планете,

Еще б сиять
Сиянием чела,
Когда бы не изматывали дети.
Что в звездных играх
Юной зачала.

Ей на курорт бы,
На веселый праздник,
А там опять
Кружиться и рожать.
Ей отдохнуть бы
В лучшей из галактик,
В хорошей атмосфере
Подышать.

Так думал я о ней,
А с нею слитый,
Уже зарозовел
Небесный плес.
Ей и на час
Нельзя сойти с орбиты,
Ей суждено
Работать на износ!

*

Да Винчи говорил:
Когда вы захотите
Какой-нибудь реке
Дать новый,
Лучший путь,
Вы как бы
У самой реки спросите,
Куда б она сама
Хотела повернуть.

Мысль Леонардо!
Обновись, и шествуй,
И вечно торжествуй
На родине моей.
Природа и сама
Стремится
К совершенству.
Не мучайте ее,
А помогайте ей!

ТРЕТЬИ ПЕТУХИ

Сергею Воронину

Из ночи,
Из тьмы,
Как из берлоги,
Лезет нечисть
Отжитых веков.
Я боюсь устать,
Упасть в дороге,
Не дождавшись
Третьих петухов.

Но цветет,
Цветет,
Цветет вдали
Розовый цветок
Большого роста.
Вся Земля в изъянах,
У Земли
Шелушится
Старая короста.

Путь ее
Нелегок
И непрост.
В распрях доброго
И злого духа
Так и жметя
К частоколу звезд
Со своею
Древней почесухой,

А душа?
Не для тебя ль,
Ранимой,
Розовый цветок
Вдали цветет?
Жизнь прекрасна
И неумолима,
Жизнь через меня
Перешагнет.

Все перешагнет,
Не медля в шаге:
Мерзость,
Подлость,
Смуты,
Мятежи,
Наше горе, слезы,
Наши страхи,
Наши боли
Сердца и души.

У нее
Свои на счастье виды.
Через кровь пройдет
До лучших дней...
Пусть!
Но как же
Все мои обиды
Примирить мне
С гордостью моей?

Как же
Перед нечистью

Не сдать,ся,
Не чертя
Спасительных кругов,
Как же мне,
Не уступив,
Дождаться
Предрасветных
Третьих петухов?

*

С тех пор,
Как тобою поклялся,
С тех дней,
Как я принял твой путь,
Всю жизнь я,
Отчизна, боялся
В надеждах
Тебя обмануть.

Но странно,
Когда полыхала,
Когда обагреной была,
Ты жертвы других
Принимала,
Но жертвы моей
Не брала.

Когда погибали герои
По зову огня и крови,
Я жизнь свою
Выставил к строю,
Ты жизнь мне вернула:
Живи!

Когда,
Не умея скупиться,
Пришел я
По воле судьбы
Любовью своей поступиться,
Любовь ты вернула:
Люби!

Когда ты
Жила созиданьем,
Восторгом, что бил через край,
Пришел я к тебе
Со страданьем,
Ты тихо сказала:
Страдай!

Когда ж,
На себя негодуя
За то, что
Погиб не в бою,
С последнею песней
Приду я,
Ты примешь ли
Песню мою?

*

Мне б,
Не горбясь под ношею,
Надо с прежней охотой
Сделать что-то хорошее,
Сделать доброе что-то.

Мне б
Взрастить, что посеяно,
Ну хотя бы до всхода,
И уйти, как Есенину,
Под защиту народа.

МУЗА

В деревне
Пустовали гумна.
Лицом смугла и темно-руса,
По зреющим полям бездумно
Бродила марьевская Муза.

Был зной.
Трава от зноя вяла.
Полями, тропами лесными
Брела и землянику мяла
Она подошвами босыми.

И останавливалась часто,
И снова шла...
В разгаре лета
Среди таких, как я, вихрастых
Искала своего поэта.

Быть может,
И прошла бы мимо,
Но рожь, стоявшую стеною,
Раздвинула, еще незрима,
И наклонилась надо мною.

С тоскою глядя, ворожила...
Меня в мое девятилетье
На чуткость испробовать решила —
И, чуткий,
Я ее приметил.

Стояла скорбная...
Скорбная такая!..
Вперед как будто поглядела
И, на тревоги обрекая,
Уже заранее жалела.

Миг —
Что зерно.
Вся жизнь в том миге.
В глазах печального свеченья
Легко, как по раскрытой книге,
Прочел я тайну обреченья.

«Мир повстречает новостями,
Но ты полюбишь эти земли,
Душою,
Телом
И костями
Почувствуешь ржаные стебли.

По жизни всей — до поседенья
Ты пронесешь в душе пытливой
Мучительное изумленье
Судьбой крестьянки
Терпеливой».

И вот
Глаза уже иные:
«Дитя земли и революций,
В тебя все радости земные
Одною радостью вольются.

Дитя голодного сусека,
От всех невзгод
Возьмешь ты долги;
Дитя мечты,
Все боли века
Войдут в тебя одною болью.

На все обиды и утраты
Гляди, преодолев страданья,
Как на торжественную плату

За свет
Душевного познания.

Ты больше всех
Меня полюбишь.
Всю жизнь свою
В любой прохожей
Искать похожую ты будешь,
Но так и не найдешь похожей.

За тяжесть, что тебя не в меру
К земле пригнет
И горем тронет,
Я дам тебе такую веру,
Перед которой
Горе дрогнет».

Не знаю,
За какие вины
Печалью глаз
И губ дрожаньем
Она раскрыла мне глубины
Своих земных переживаний.

Моя крестьянская, босая,
Прощально, помню, улыбнулась,
Перед глазами угасая,
Ушла...
И только рожь качнулась.
Все — было.
С головой седую
Играть ли в рифмы,
Как в игрушки?
Все это было за Удою,
У старой
Дедовой избушки.

ВЕСНОЙ

Во мне,
И почему — бог весть,
Когда весна еще в начале,
Есть что-то смутное и есть
Какой-то холодок печали.

Но мысли сердце обожгут
И боль сильнее обозначат...
Почудится, что где-то ждут
И, не дождавшись, тихо плачут.
Все, что любил,
Все, что хотел,
Коснется вдруг сердечных граней,
Как груз незавершенных дел
И неисполненных желаний.

И ничего
Не отложить,
Ни от чего
Не отрешиться.
Мне время это пережить —
Как будто заново родиться.

*

Звери,
Травы сминая,
Не принес вам разора.
Не пугайтесь, что знаю
Ваши тайные норы.

Верю, надо бояться,
Вижу, стало не легче,
А трудней укрываться
Вам от глаз человеческих.

В тихой
Норке-квартире
Ничего не нарушу.
В этом горестном мире
Берегу вас, как душу.

КОСТЕР

Что такое костер?
Я отвечу вам
Просто и прямо:
Без огня —
Это куча
Отжившего хлама.

Это тлен тальника,
Что подмыло весною,
Это стебель цветка,
Отпылавшего в зное.
Это дуба листья,
Что висят до мороза,
И виток бересты
Отшумевшей березы.
И пенечек с трухой,
Что неспешно затлеет.
И подсолнух сухой
С перекрученной шеей.
То, что взгляду далось,
Было в сумерки взято.
На костре собралось
Все, что жило когда-то...

Что такое костер?
Это добрый
Высокий огонь.
Протяни к нему руки,
Обнявши ладонью ладонь,
И присядь,
И побудь,
Чтобы вдоволь погреться.
Грейся, но не забудь
Ты к огню приглядеться.

Если б не было тьмы,
Ты увидел бы прощя:
Дым похож на дымы
Зеленеющей роши.
Легкий дым уже густ,
И над ним, как бывало,
Вспыхнет розовый куст
Тальника-краснотала.
А потом из дымка,
Что опять озарится,
Алый выплеск цветка
Над костром повторится.
Закурчавится дым,
Закружится, завьется...
Вдруг подсолнух над ним
Зацветет, засмеется,
Постоит,
Подождет
Солнце, спящее где-то,
И опять упадет,
Не дождавшись рассвета.

Что такое костер,
Осветивший ночные кусты?
Это час воскресенья
Былой красоты.

МОРОШКА

Пустынно.
Ни тропинки.
Ни дорожки.
Замшелые холмы,
Как волны
В шторм,
И запах
Подмороженной морошки
Напоминает что-то...
Что же?
Что?

И тучи,
И гагары
Слезным криком,
И солнце
Погасающим лучом
Напомнили
О чем-то о великом,
О чем-то скорбном...
Но о чем?
О чем?

Да, да — морошка...
Поданная с ложки...
Представил.
Как в борежье с немотой
Ослабший Пушкин
Попросил морошки.
Вот этой самой,
Кисленькой немножко,
Вот этой самой,
Скромной и простой.

И, глядя
На полярную зарю,
Сказал я тундре,
Что вокруг лежала:
Благодарю.
За то благодарю,
Что в смертный час
Его ты утешала.

✽

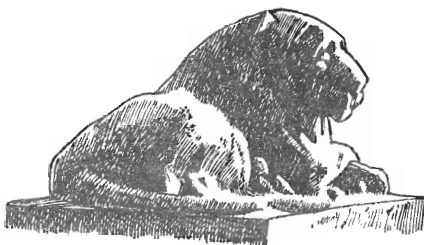
Зимний ветер,
Гигикни над елью,
Над сосной, где укрылся глухарь,
Закружи меня белой метелью,
Подними
И о землю ударь.

Сделай так, чтобы в снежные хоры
Голос рощи все время влетал
Позабывтую песню,
С которой
Я когда-то легко засыпал.

Песню матери,
Певшую в горе
О наказе купца,
Чтоб жена
К беспокойному синему морю
Не водила коня-бегуна.

«Он приказывал,
Он наказывал,
Не води коня на синё море,
На синё море,
На быстру реку.
А она его не послушалась,
Повела коня на синё море,
На синё море,
На быстру реку...»

Мать споет
И сама прослезится.
Под старинную песню ее
Пусть засну я,
И пусть мне приснится
Ускакавшее счастье мое.

*

Тяжела,
Себе не рада
В белой гриве голова.
И глядит он
Сонным взглядом
Отдыхающего льва.

В нем
За сонными глазами,
За потухшей кромкой дня,
За далекими годами —
Где-то Африка своя.

СЛОВО

От беды к беде.
От боя к бою,
От большого до большого дня —
Кто сказал,
Что нам легко с тобою,
Дорогая Родина моя!

Мы выносим бремя вековое,
Мировое побеждаем зло,
Потому и слово трудовое
В честный стих
Ложится тяжело.

Я словам
Не всяким доверяю.
Прежде чем доверить душу им.
Я слова на крепость проверяю,
Выверю именем твоим.

Чтобы смертью скорой
Не почить им,
Я препоручаю чувства,
Мысль
Тем словам,
Что не за чаепитьем,
А в труде нелегком родились.

Только тем,
Что поднялись из глубей
Доброй человеческой души,
Нынче не до мелких честолюбий,
Не до славы,
Стоящей гроши!

От беды к беде,
От боя к бою,
От большого до большого дня —
Нам легко
И нелегко с тобою,
Дорогая Родина моя!

✓

ЕЩЕ О КОНОПЛЕ

Грубо
Прогнанная с нивы,
Хмуру глядя на поля,
По оврагам среди крапивы
Задичала конопля.

Топчут,
Давят,
Не заботятся
От великого ума.
Сама сеется, молотится,
Сберегается сама.

Нам укоретвует
В заботе,
Дикий стебель наклона:
«Вы еще ко мне придете
Культивировать меня».

ИЗ КНИГИ ЛЮБВИ

*

По главной сути
Жизнь проста:
Ее уста...
Его уста...

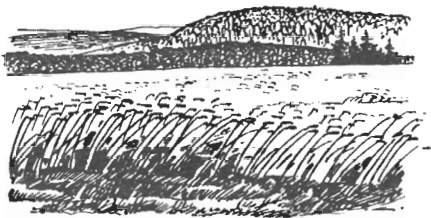
Она проста
По доброй сути,
Пусть только грудь
Прильнет ко груди.

Весь смысл ее
И мудр и прост,
Как стебелька
Весенний рост.

А кровь солдат?
А боль солдатки?
А стронций
В куце облаков?

То всё ошибки,
Всё накладки
И заблуждения
Веков.

А жизни суть,
Она проста:
Ее уста...
Его уста...

*

Цветы и травы
Пахнут так,
Нельзя не захмелеть.
С горы вся даль распахнута,
Что хочется лететь.

Лететь, лететь
И песни петь...
О чем?
Да ни о чем.
Лететь, лететь
И сердце греть,
Чтоб неслось горячо.

От счастья
Сердце вырвано,
Зачем теперь оно,
Чтоб стало мне,
Как было мне
Давно,
Давно,
Давно...

✱

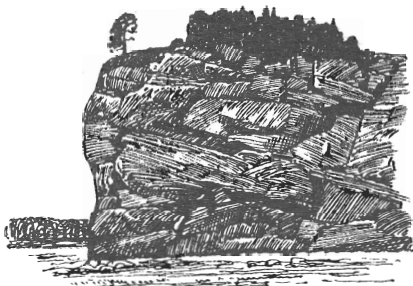
Как цветы на заре,
Так и люди в любви хорошеют.
Неразгаданный взгляд
Мое вольное сердце потряс.
Руки пьяно, как хмель,
Оплели мою гордую шею,
И глаза почему-то
Нельзя оторвать мне
От глаз.

Все гляжу и гляжу —
И никак не могу наглядеться.
Так в причудливом мире
Робеет душа новичка.
Вижу робость и зов,
Вижу юность и детство,
Опрокинутый мир,
Отраженный
В огромных зрачках.

Все гляжу и гляжу.
Оторваться не в силах
От веселых-веселых,
Бесовских во плясе кудрей,
От бесстыдно зовущих,
От страстно и сладостно милых:
Милых губ,
Милых глаз
И летящих бровей.

Ну люби!
Ну люби!
От любви
Никуда нам не деться.
Ну люби же, люби!..
Я давно этой радости ждал.
Мы одни. Никого.
Убежало стыдливое детство.
Страх метался в заре
И за краем земли пропадал.

*

Любовь мне —
Как блистание
Звезды над миром зла.
Любовь мне —
Как призвание
На добрые дела.

Чтобы мир
Отмылся дочиста,
Душа тревогу бьет.
Любовь мне —
Как пророчество,
Зовущее вперед.

Любовь —
Как жажда истины,
Как право есть и пить.
Я, может быть,
Единственный,
Умеющий любить.

✽

Лицо тоскою выбелю.

Приду к тебе

тебя

Любить, как перед гибелью,

До слез.

До забытья,

До бреда,

До сожжения

В судьбе, а не в игре.

До чуда воскрешения

На утренней заре...

*

Влюбленных шумно
Легок воз,
Зато любовь влюбленных тихо —
Как горе горькое без слез,
Как боль, болящая без крика.

Таюсь.
Молчу.
Боюсь наскучить.
Иным признанье — трын-трава.
Меня же долго будут мучить
В груди застрявшие слова.

Иной сплет
И отплетается,
А у меня гудит душа,
И сердце тяжелее бьется,
Готовое для мятежа.

*

Ветер ходит метелицей,
Ветер воет пургой,
Как на чертовой мельнице,
Хлещет белой мукой.

Я шагаю к единственной,
Пробиваясь плечом;
Я сегодня воинственный,
Мне пурга нипочем.

Среди ревностью мучимых,
Средь не знавших средин,
Среди смелых и влюбчивых
Я, такой, не один.

Может, ветер, как веником,
Разметая пути,
Дует в спину соперника,
Помогая идти.

В нетерпенье неистовом,
Все вперед и вперед,
Я беру, словно приступом,
За суетом сует.

Ветер ходит метелицей,
Ветер воет пургой,
Как на чертовой мельнице,
Хлещет белой мукой.

КОРШУН

Однажды
Обманул я коршуна,
На редкость резко просвистав,
И коршун закружил встревоженно,
Косые крылья распластав.

Сбивая с толку птицу дикую,
Еще призывнее, как мог,
Стонал и плакал коршунихою
Нехитрый травяной манок.

С ответным криком,
Полным страстности,
В бесплодных поисках ее,
В любви
Забывший об опасности,
Он падал на мое ружье.

Оно
Навстречу было взброшено...
И все ж я птицу не убил.
Любовь священна.
Даже коршуна
Не трону
В час его любви.

ОСТАВЬТЕ МНЕ ТАЙНУ...

Какое же диво
В твоих, Рустанели, словах:
Века отшумели,
А слово
Все в тех же правах.

Века отзвучали,
А слову
И жить и звучать.
Кем был ты,
Как жил ты, —
Не знаю.
А надо ли знать?

Над миром тревожным
Ты крылья любви
Распластал.
Ты Индию левым,
Аравию правым достал.

У нас и поныне
Сердца и горят и болят,
У нас и поныне
Над сердцем
Царицы царят.

У нас и поныне
Усладу другие берут,
У нас и поныне
Кровавые слезы текут.

Прости мне, Шота,
Что, влюбленный,
В порыве страстей
Любимую славил
Превыше царицы твоей.

Прости мне, Шота,
Что забылся
В своей похвальбе,
А помнил лишь право
Любовью быть равным тебе.

Не знаю,
Кем был ты,
Как жил,
Но, читая твой стих,
Тебя создаю я
По страсти героев твоих.

Как бог триединый,
Во всех ты героях един:
В любви Автандила
И в нежных очах Тинатин.

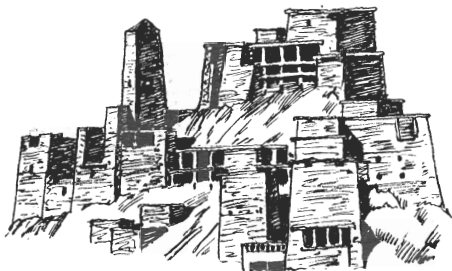
Ты в каждой слезинке,
В кровинке
Отверстых их ран,
В тоске Таризла
И в муках Нестан-Дареджан.

А что мне с того,
Что в чужом
Палестинском краю
Однажды найдут
Долговую расписку твою?

Унижен ли был ты,
Оболган ли был ты за труд?
Да мало ли лгали...
И многих еще обогут!

Ах, что мне догадки!
В твой век, Руставели,
И в наш
Доподлинна песня,
А все остальное -
Мираж!

Во имя той песни,
Что пели мы все
И не спели,
Оставьте мне тайну
Великой судьбы
Руставели!

ВТОРОЙ ОГОНЬ

Любовь горела,
А не тлела.
И все же, к радости моей,
Не до золы она сгорела.
Но, как береза,
До углей.

Она,
Ничем не оградима,
Переменяя страсть и гнев,
Вся изошла огнем и дымом
И вся распалась,
Почернев.

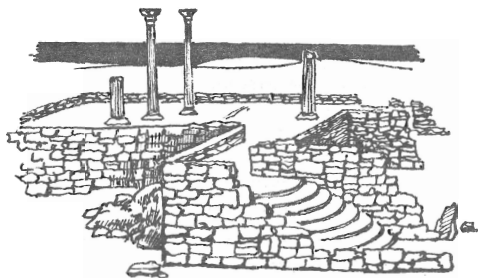
Погибла?

Нет.

Вернее прочих
Я знаю цену угольку
И каждый черный уголек
В душе холодной берегу.

В моей душе,
Как в горне грубом,
Небесполезно им лежать.
Лишь только б огонек...
Да губы...
Да губы,
Чтобы подышать.

Не гибнут страсти.
Над враньем
Опять смеюсь.
Пусть не лукавят.
Любовь горит
Вторым огнем.
В таком огне
Железо плавят.

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

Не верили,
Отмахивались:
Миф!
Но по дворцам,
По стенам, взятым с бою,
Давно доказано,
Что был правдив
Старик Гомер,
Воспевший гибель Трон.

Над нею, павшей.
Вечность протекла.
Землей укрыла
Рухнувшие стены.
Виновных нет.
И все-таки была
Всею виной
Прекрасная Елена.

Неоспоримы
Слезы, муки, беды,
Неоспорим
И бога Зевса пыл,
Когда торжественно
В купальню Леды
Он, женолюбец,
Лебедем приплыл.

И родилась
Елена всеблагая,
Затмившая
Эгейскую зарю,
Доставшаяся в жены
Менелаю,
Суровому
Спартанскому царю.

Где красота,
Там правота каприза,
А где любовь,
Там бой идет не зря.
Неоспорима
Молодость Париса,
Отнявшего Елену у царя.

Неоспоримо
Менелая сердце,
Стучавшее тараном у ворот.
Неоспоримо
Мужество ахейцев,
Поклявшихся
Не постригать бород.

А годы мимо...
Годы мимо, мимо...

В крушении
Приамовых дворцов
Неоспоримо все,
Но оспорима
Житейская
Забывчивость бойцов.

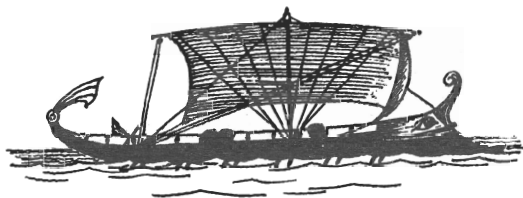
Пал Менелай
В печали и тоске.
Изъела корабли
Морская пена.
Состарилась
Прекрасная Елена.
Скорбела Пенелопа
Вдалеке.

За девять лет,
Приученные драться,
Копьем и дротиком
Вести бои,
Уже ахейцы
Стали отступаться
О клятвенные бороды свои.

В крови,
В скорбях,
В осадной суете
Они, вослед
Приплывшие под Трою
За мною,
За дивной красотой,
Успели позабыть
О красоте.

...И мы в бою,
И мы твердыни рушим.

Но, увлекаясь
Праведной борьбой,
Лишь одного хочу,
Чтоб наши души
Не отросли
Ахейской бородой.

*

Как хорошо,
Что за крутыми
За гребнями
Далеких гор
Меня, забытого другими.
Ты вспоминаешь
До сих пор!

О, вспоминай!
В строках послушных
О нежных чувствах
Святословь.
Люби меня!
Средь равнодушных
Мне так нужна
Твоя любовь!

Бывало часто,
С жизнью споря,
Слабел я, горе затаив,
Мне чудились
В минуты горя
Цыганские глаза твои.

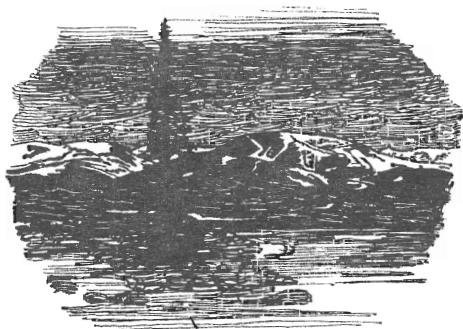
И было в них
Так много света,
Огня, как в золотом вине.
Как хорошо,
Что где-то, где-то
Ты вспоминаешь
Обо мне!

*

Цыганка пела про любовь,
Про ночь и страсть цыганка пела.
Ознобно вздрагивало тело,
Лукаво вскидывалась бровь.
Цыганка пела про любовь.

Цыганка пела про меня.
Напоминай и пророча
Безумие какой-то ночи,
Недоплясавшейся до дня.
Цыганка пела про меня.

Зачем я предал сердце злу?
Сидел во тьме, блее снега,
И ворошил я, как Алеко,
Костра остывшую золу.
Зачем я предал сердце злу?

*

В наше счастье
Веры больше нету.
Мне обидно,
Что в чужом краю
Принял я за чистую монету
Легкую привязанность твою.

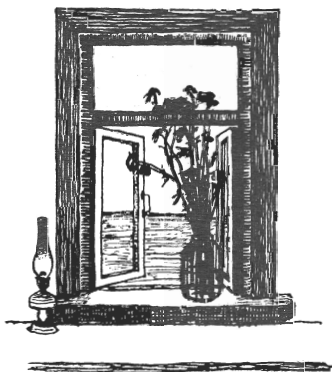
И не то мне жаль,
Что, пламеня,
Я тебя и нежил и ласкал.
Жаль мне то,
Что, от тебя пьянея,
Я своей любимой
Не искал.

Поглядеть бы
На любовь-потерю,
Тронуть кудри
Ласковой рукой...
В мире есть такая.
Я не верю,
Чтобы в мире
Не было такой.

Может, поздно?
В муках угрызений
Сердце бьется
В поисках порук.
В мире было столько
Потрясений,
Столько было горестей...
А вдруг?..

Может быть,
В надежде тосковала,
Все ждала
И уставала ждать?..
Может, ей меня
Недоставало.
Чтобы жить
И в жизни устоять?..

Есть такая!
Каторжной работой
Сто казалов
К ней готов прорыть.
Если сердце
Бьется для кого-то,
Значит, этот кто-то
Должен быть.

*

Твердишь ты,
Что расстаться нам пора.
Что ты в своих надеждах обманулась,
Что вся моя любовь к тебе —
Игра.
Не слишком ли игра подзатянулась?

Игра в любовь,
Я знаю, не к добру,
Игра в любовь коротенького срока.
Семь лучших лет потратить на игру.
Семь лучших лет!
Не слишком ли жестоко?

Старею я,
Люблю тебя одну.
Седею я до времени, до срока.
Семь лучших лет отдать за седину,
Семь лучших лет!
Не слишком ли жестоко?

*

Прощай!

Нам слез не лить
От горя и отчаянья.
Быть нежной,
Доброй быть
Не надо на прощанье.

Прощай!

Не буду ждать,
Не ждать — душе честнее.
Не надо целовать,
Пусть сердце очерствеет.

Надеждой

Не делись,
Оставь без лишней ноши,
Хорошей не кажись,
Останься нехорошей!

Так можно

Все внушить,
Поверить в святость ада,
А люди будут жить
И думать:
Так и надо.

*

Я ушел.
Ни к чему теперь
Вздохи.
Между нами
Со всей высотой
Стены,
Стили,
Этапы,
Эпохи,
Просто камень
И воздух седой.

Я ушел.
Между нами — века.
Вот как ты далека!

*

Нас развела
Ее несмелость.
Когда весь мир
Стонал в огне
И содрогался,
Так хотелось,
Чтоб кто-то
Думал обо мне.

О, равнодушие!
Пусть измает,
Но если тело
К телу в плоть,
То плоть твоя
Сама признает
Мною тоскующую
Плоть.

Молил:
«Останься!»
Сердце стыло,
В крови гудел
Девятый вал.
Я заклинал
Рождением сына,
Землей и Небом
Заклинал.

Пусть будут
Муки и лишения,
Пусть судят
Лживые уста.
Бог тоже шел
На погрешенье

В рожденье
Своего Христа.

Роди мне сына!
Сны пророчат
Величие земле моей.
Мой сын на Небо
Не захочет,
Он вечно
Будет верен ей.

Он будет верен
Вере павших,
Своею смертью
Смерть поправших,
Он будет верен
Славе их
И верен
Чаяньям живых.

Просил,
Но умирало слово,
Исторгнутое из груди.
Вымаливал:
«Роди такого.
Ты можешь,
Ты должна.
Роди!»

Смысл
До жестокости суровый
Она в ответ
Вложила свой:
«Я вижу,
Как страдают вдовы.

Мне, милый,
Страшно стать вдовой».

Расстались мы,
И я не очень
Ее, пугливую, виною.
С тех пор
Среди достоинств прочих
В любви
Я мужество ценю.

*

Душе безысходней,
Как будто весь мир сиротлив.
У моря сегодня
Какой-то печальный мотив.

Как будто тоскует
О верной,
О вечной любви,
Как будто толкует
О всех, кто остался в глуби.

О Черное море,
Зачем же о берег так бьешь?
О Черное море,
Тоскуя, не жертвы ли ждешь?

О Черное море,
Готов я к любому броску...
Неужто собою
Твою утолить мне тоску?

Прости меня, море,
Что медлю,
Что в мире тревог
Насытиться жизнью
Я, Черное море, не смог.

Печалью певучей
Над теми, кого не спасти,
О Черное море,
Не мучай,
Не мучай...
К любви отпусти!

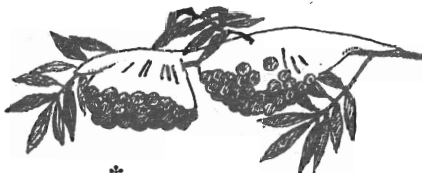
✱

Любил,
Как сон,
Прелестную,
С мечтой
И грустью в облике,
Любил полунебесную,
Стоящую на облаке.

Не видел,
Как менялася
С бедою неутешною,
Не видел, как спускалася
С небес
На землю грешную.

Не тихую,
Не слабую,
Но рано песню певшую,
Увидел просто бабою,
Уже отяжелевшую.

Такая
И встречается,
Такая мне и любится.
Мой вкус
Перемещается
От Рафаэля
К Рубенсу.

*

А я когда-то думал,
Что седые
Не любят,
Не тоскуют,
Не грустят.
Я думал, что седые,
Как святые,
На женщин
И на девушек глядят.

Что кровь седых,
Гудевшая разбойно,
Как речка,
Напоившая луга,
Уже течет
И плавно
И спокойно,
Не подмывая
В страсти берега.

Нет,
У седой реки
Все то же буйство,
Все та же быстрина
И глубина...
О, как меня подводит седина,
Не ~~избавляя~~
От земного чувства!

✱

У моей
У любви,
У страсти
Больше нет
Над тобою власти.

Власть ушла
В расцвете,
В богатстве,
Как уходит власть
В государстве.

Власть ушла,
И люди смеются:
Дескать, свергнут
Без революции.

Ты в каком-то
Чужом режиме,
Как чужая,
Ходишь с чужими.

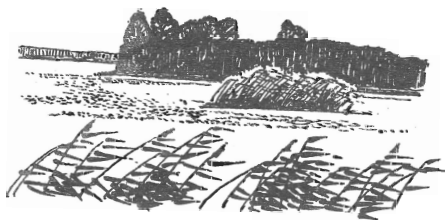
Не боишься
Ты взгляда злого,
Не томишься
В любви
От слова.

Мне теперь
И любовь
И дружба
Как премьеру
Простая служба.

*

Еще недавно нам вдвоем
Так хорошо и складно пелось.
Но вот гляжу в лицо твое
И думаю:
Куда все делось?

Но память прошлое хранит,
Душа моя к тебе стремится...
Так, вздрогнув,
Все еще летит
Убитая в полете птица.

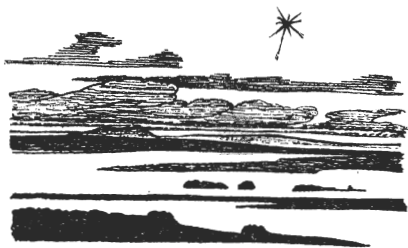

*

Знакомо,
Как старинный сказ,
Уходят женщины от нас.
Они уходят
И уносят
Холодный блеск
Холодных глаз.

Была нежна
И влюблена,
Была так долго
Мной пьяна.
Так неужель
В ней не осталось
Ни капли
Моего вина?

Зачем любить?
Зачем гореть?
Зачем в глаза
Другой глядеть?
Увы! Уму непостижимы
Две тайны:
Женщина и смерть!

*

Не затем я
Горячее сердце ковал,
Не затем я покоя
Ему не давал,
Не затем я поил его
Горькой отравой,
Чтобы стало оно
Для кого-то забавой...

Я надеждой,
Как молотом,
По сердцу бил,
Я ковал свое сердце
Для вечной любви,
Чтобы билось не пульсом,
А праздничным звоном,
Чтобы знали, что значит
Быть сердцу влюбленным,
Чтоб Звездана,
Тоскуя в краях неземных,
Услыхала набаты
Моих позывных...

Вот зачем
Я ковал свое сердце!

*

Дымок свивается в колечки...
Должно быть, начал я стареть,
И потому, присев у печки,
На огонек люблю смотреть.

Горят сосновые поленья,
Дрожит на них огонь,
И мне
Далекой юности виденья
Являются на том огне.

Трещат дрова.
При каждом звуке
За огненною белизной
Я вижу, как ломает руки
Любовь, покинутая мной.

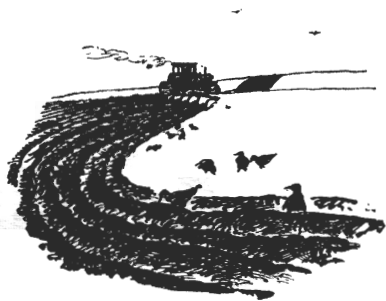
Почудится:
Огня извивы
Ей молодое тело жгут.
И станет на душе тоскливо,
Как будто вызван я на суд.

Гляжу,
Уставясь без улыбки
В лицо косматого судьи,
И вижу все свои ошибки.
Все заблуждения свои...

Но вот
И печь отрозвела,
Будряшек дымчатых не вьет...
И все, что мучило, —
Сгорело,
А что не мучило —
Живет.

ЛИЦО ВЕКА

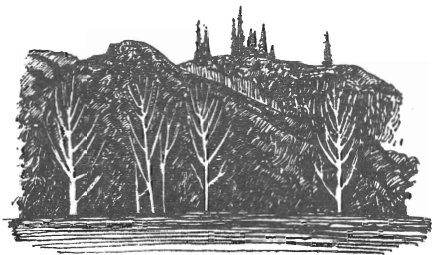
*

Наше время такое:
Живем от борьбы
До борьбы.
Мы не знаем покоя, —
То в поту,
То в крови наши лбы.

Ну а если
Нам до ста
Не придется дожить,
Значит, было непросто
В мире
Первыми быть.

СЕРДЦА

Все испытав,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая займет наш враг,
Займет, сводя все те же счеты,
Займет, засядет,
Нас разя...
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.

СУДНЫЙ ДЕНЬ

Я сам себя судил,
И суд был очень строгим,
Перед тобой, народ,
Я провинился многим.

А начались грехи
Для молодых обычным:
Свой дар писать стихи
Считал я даром личным.

Второй мой тяжкий грех,
Прощавшийся другими:
Я думал, неуспех
Хулит мое лишь имя.

А недругов своих
Нападки злые встретив,
Я отступал от них —
И в этом грех мой третий.

Судьбу свою связав
С народною судьбою,
Я не имею прав
Пренебрегать собою.

СОВЕСТЬ

Упадет голова —
Не на плаху,
На стол упадет,
И уже зашумят,
Загалдят,
Завздыхают.
Дескать, этот устал,
Он уже не дойдет...
Между тем
Голова отдыхает.

В темноте головы моей
Тихая всходит луна,
Всходит, светит она,
Как волшебное око.
Вот и ночь сметена,
Вот и жизнь мне видна,
А по ней
Голубая дорога.

И по той,
Голубой,
Как бывало,
Спешит налегке,
Пыль метя подолом,
Пригибая березки,
Моя мама...
О, мама!
В мужском пиджаке,
Что когда-то старшой
Посылал ей из Томска.

Через тысячи верст,
Через реки,

Откосы и рвы
Моя мама идет,
Из могилы восставши,
До Москвы,
До косматой моей головы,
Под веселый шумок
На ладони упавшей.

Моя мама идет
Приласкать,
Поругать,
Побранить,
Прошуметь надо мной
Вековыми лесами.
Только мама
Не может уже говорить,
Мама что-то кричит мне
Большими глазами.

Что ты, мама?
Зачем ты надела
Тот старый пиджак?
Ах, не то говорю!
Раз из тьмы непроглядной
Вышла ты,
Значит, делаю что-то не так,
Значит, что-то
Со мною неладно.

Счастья нет.
Да и что оно!
Мне бы хватило его,
Порасчетливей будь я
Да будь терпеливей.
Горько мне оттого,
Что еще никого

На земле я
Не сделал
Счастливой.

Никого!
Ни тебя
За большую твою доброту,
И ни тех, что любил я
Любовью земною.
И ни тех, что несли мне
Свою красоту,
И ни ту,
Что мне стала
Женою.

Никого!
А ведь сердце веселое
Миру я нес,
И душой не кривил,
И ходил только прямо.
Ну, а если я мир
Не избавил от слез,
Не избавил родных,
То зачем же я,
Мама?..

А стихи!..
Что стихи?!
Нынче многие
Пишут стихи,
Пишут слишком легко,
Пишут слишком уж складно...
Слышишь, мама,
В Сибири поют петухи,
А тебе далеко

Возвращаться
Обратно...

Упадет голова —
Не на плаху,
На тихую грусть...
И пока отшумят,
Отгалдят,
Отвздыхают, —
Нагружусь,
Настыжусь,
Во весь рост поднимусь,
Отряхнусь
И опять зашагаю.

ДРУГУ

Виктору Гончарову

Не удивляйся,
Что умрешь.
Дивись тому,
Что ты живешь.

Дивись тому,
Что к сердцу близко
Однажды ночью голубой
Горячая упала искра
И стала на земле тобой.

Не скифом
И не печенегом,
Минуя сотни скорбных вех,
Ты сразу гордым человеком
Явился
В наш двадцатый век.

— Мы — люди.
Нас легко обидеть. —
Но ты подумал ли хоть раз,
Что я бы мог и не увидеть,
Мой друг,
Твоих печальных глаз?

Нас, гордых,
Жизнь не стала нежить,
Нам горький выдался посол.
Мы люди,
Нас легко утешить
Напоминаям ббльших зол.

В любви,
В крови,
В огне боренья,
Со славой тех, кто первым пал,
Сменялись,
Гибли поколенья
За это все, что ты застал.

Все чудо:
Солище, весны, зимы,
И звезды, и трава, и лес.
Все чудо!
И глаза любимой —
Две тайны
Двух земных чудес.

Да будь я камнем от рожденья,
Я б в жажде все одолевать
Прощел все муки превращенья,
Чтоб только человеком стать.

Не удивляйся,
Что умрешь.
Дивись тому,
Что ты живешь.

РАБСКАЯ КРОВЬ

Вместе с той,
Что в борьбе проливалась,
Пробивалась из мрака веков,
Нам, свободным,
В наследство досталась
Заржавелая рабская кровь.

Вместе с кровью
Мятежных,
Горячих,
Совершавших большие дела
Мутноватая жижица стряпчих,
Стремянных
В нашу жизнь затекла.

Не ходил на проверку к врагу я,
Здесь проверка врача не нужна.
Подчиненного робость почуяв,
Я сказал себе:
Это она!

Рос я крепким,
Под ветром не гнулся,
Не хмелел от чужого вина,
Но пришлось —
Подлецу улыбулся
И почувствовал:
Это она!

Кровь раба,
Презиравшая верность,
Рядом с той,
Что горит на бегу, —
Как предатель,

Пробравшийся в крепость,
Открывает ворота врагу,
Как лазутчик,
Что силе бойцовой
Прививает трусливую дрожь.

Не убьешь ее пулей свинцовой
И за горло ее не возьмешь.

Но борюсь я,
Не днями — годами
Напряженная длится борьба.
Год за годом,
Воюя с врагами,
Я в себе
Добиваю раба.

*

Ни в благодушии ленивом,
Ни в блеске славы,
Ни в тени —
Поэт не может быть счастливым
В тревожные для мира дни.

Беря пророческую лиру,
Одно он помнит
Из всего:
Что все несовершенство мира
Лежит на совести его.

ПРОРОЧЕСТВО

Я жить
И мыслить устаю.
Я, сделав шаг
От легкой грусти
В мир
Ужасающих предчувствий,
Над черной бездною стою.

Меня охватывает дрожь,
Когда смотрю
В провал заклтый.
О человечество,
Куда ты,
Куда ты, милое,
Идешь?

Меня охватывает страх.
Небрежно
К собственному дому,
Ты к счастью
Не пришло земному,
Что ж ищешь ты
В других мирах?

Меня охватывает гнев.
Утраты восполняя скудно,
Ты истребляешь
Безрассудно
Природы
Вековой посев.

Меня еще потряхнет не раз.
Ты жадное,
Алкая пищи,

Глядишь на мир,
Как жирный нищий,
Украдкой
Евший про запас.

Земли
Не вечна благодать.
Когда далекого потомка
Ты пустишь по миру
С котомкой,
Ей будет
Нечего подать.

Прости
Настойчивость мою.
Уже в плену
Тех дальних сроков,
Твой самый добрый
Из пророков,
Я жить
И мыслить устаю.

ЛИЦО ВЕКА

По воле,
По страсти,
По власти отца,
По кротости матери бедной
Достались мне
Крепкие руки бойца
И сердце
Сестры милосердной.

Мне с веком моим,
Поседевшим в бою,
Нетрудно в суровости спеться.
И все ж когда бью,
То как будто бы бью
Свое обнаженное сердце.

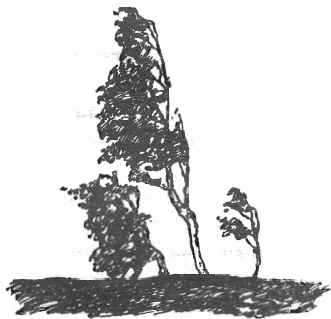
Быть строгим велит
Атакующий класс,
Но доброе солнце над нами.
Оплакал друзей я...
Припомнил и вас,
Погибших слепыми врагами.

Не я ли о братстве
Во трубы трубил,
Лихую предвидя годину...
Мне сердце давали
Для полной любви,
А любит оно вполовину.

Все сердце любви
Я отдать не могу,
Какой бы она ни явилась.
Оставил я место, на горе врагу,

Чтоб ненависть
Там поместилась.

Неверная злоба,
Как маска, черна
На мудром лице человека.
Мне с жизнью мою
Была вручена
Святая трагедия века.

ТРУДОВАЯ КНИЖКА

Одна страница перелистнута,
Шесть строк —
И книжка прочтена.
Но в эти строки мною втиснуто
Полжизни, не считая сна.

Она скромна.
Сусальным золотом
Ее никто не покрывал.
Вот первая строка —
Под молотом
Два года я ее ковал.

Душа от гордости расправилась
У парня, росшего в селе.
И каждый видел,
Что прибавилось
Одним рабочим на земле.

Второй строкой
Три года отнято,
Она была в дитейной отлита...

В те дни,
Не очень отдаленные,
Она казалась огневой.
Теперь остыла, закаленная,
И отливает синевой.

Шесть строк,
И кованных и плавленных,
Шесть строк,
Коротких и простых,
Шесть вех,

Негаданно поставленных
На поворотах
На крутых.

Шесть глав
Неповторимой повести
О судьбах на земле родной,
Шесть строк —
Как шесть упреков совести
За не написанное мной...

Припоминаю наставления
Литейщиков и кузнецов,
На что потратить вдохновение,
И красоту, и силу слов:

— Пиши, да так,
Чтоб сердце плавилось
В неубывающем тепле,
Чтоб каждый видел,
Что прибавилось
Одним поэтом на земле...
— Пиши, — сказали, —
Коли пишется,
Коль жизнь способности дала,
Но так, чтоб трудовая книжица
Всем книгам
Матерью была!

ПОЛЫНЬ-ТРАВА

Витая в облачных туманах,
Последних ожидая виз,
Они сидят на чемоданах
И ждут отправки в Коммунизм.

Они душой и телом «новы».
— Скорей, скорей! — твердят всегда...
Хоть завтра, хоть сейчас готовы
Они отправиться туда.

Другие грязи не боялись,
А эти, презирая труд,
От пережитков очищались,
«Очистились» — сидят и ждут.

Таким легко:
Спиной к заботам,
Лицом в мечтательный туман...
А мне идти с моим заводом,
Опять не выполнившим план.

А мне дорогами крутыми
На поиск небывалых дней
Идти с соседями моими,
Со всей оравой их детей.

А мне шагать с моей любимой
Сквозь кухонный переполох,
С моей нигде не заменимой
И даже в лучшей из эпох.

А мне, забыв о нареканьях,
Без страха, без обиняков
Ругаться, спорить на собраниях
И наживать себе врагов.

Горячим словом,
Словом бьющим,
О, если б мог я передать
Всю ненависть к лениво ждущим —
Жизнь слишком коротка, чтоб ждать!

До времени —
Пока вы ждете —
Моя седеет голова...
Ведь вы же нашу жизнь крадете,
Как сок земли —
Польнь-трава!

*

О, Русь моя!..
Огонь и дым,
Законы вкривь и вкось.
О, сколько именем твоим
Страдальческим клялось!

От Мономаховой зари
Тобой — сочти пойдя —
Клялись цари и лжецари,
Вожди и лжевожди.

Ручьи кровавые лились,
Потоки слов лились.
Все, все — и левые клялись,
И правые клялись.

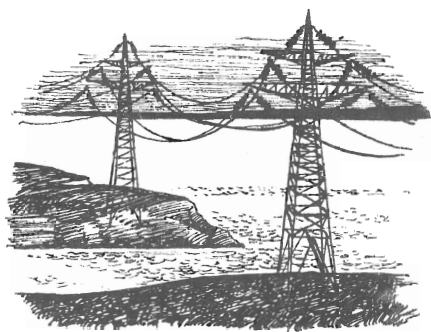
Быть справедливой
Власть клялась,
Не своевольничать в приказе.
О, скольких возвышала власть,
О, скольких разрушала власть
И опрокидывала наземь!

У ложных клятв
Бескрыл полет,
Народ — всему судья.
Лишь клятва Ленина живет,
Лишь клятва Ленина ведет,
Все клятвы перейдя.

Народ,
Извечный, как земля,
Кто б ни играл судьбой,

Все вековые векселя
Оплачены тобой.

Не подомнет тебя напасть,
Не пошатнешься ты,
Пока над властью
Будет власть
Твоей земной мечты.

С ТОБОЙ, РОССИЯ

Велик твой путь,
И ноша нелегка,
Дробится камень
Под твоей стопною.
Мне кажется,
Что прожил я века,
И все живу,
И все иду
С тобою.

Когда аркан
Над головой свистел
И шум пиров
Катился по улусам,
Другой бы постарел
И поседел,
А я русел,
Я становился
Русым.

Всевластьем силы
И всевластьем тьмы
Я в прежней жизни
Был сто раз унижен.
Другой бы не превысил
И травы,
А я все рос,
Я становился
Выше.

И кровь была
Дешевле, чем вино.
Той кровью,
Безрассудно пролитую,

Другой
Ожесточился бы давно,
А я добрел
Твоею добротой.

По грозам,
По ветрам
Да по снегам
Я заучил
Твои степные песни.
Да, я ровесник
Всем твоим векам
И Революции твоей
Ровесник.

Мы стали
И моложе
И новей,
Но в добром свете
Красных пятилучий
Твоя дорога
Стала только круче,
Моя задача —
Только тяжелей.

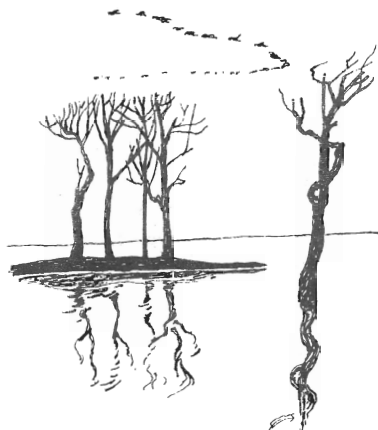
Кто на горе,
Тот раньше
Солнце встретит,
Кто среди друзей,
Тот силой не шути,
Кто впереди шагает,
Тот в ответе
За все ошибки
На крутом пути.

А мудрый в дружбе
О друзьях печется,
А кто в борьбе,
Тот сил не тратит зря.
Ведь океан великий
Лишь качнется,
Как всюду
Закачаются
Моря.

Дробится камень
Под твоей стопой...
И пусть не первым,
Пусть не самым лучшим
Я был с тобой
В твоём
Давно минувшем,
Дай и в грядущем
Мне побыть
С тобой.

*

Счастливый,
Я не нужен никому.
Счастливым быть
Мне стыдно одному.

Счастливый
Тяготеет к облакам,
К высоким звездам,
Где легко и вольно.
Счастливые как боги,

А богам
Ни жалостно,
Ни горестно,
Ни больно,

Печали,
Огорченья,
Страхи все
Я испытать душою
Не премину,
Как добрый врач,
Который на себе
Испытывает
Новую вакцину.

Как он,
В бреду
Над страхом проплыву,
Над жаркой бездной
Черной лихорадки,
Еще угарный,
Потянусь к тетрадке,
Чтоб записать победное:
«Живу!»

А коль живу,
То, значит,
И другой
Сумеет жить,
Переболев однажды.
Я нужен людям
Именно такой,
Каким сумеет быть
На свете каждый.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Скрипят натруженные снасти,
В корму волна сердито бьет...
Купец Никитин Афанасий
Из дальней Индии плывет.

Вокруг кипит морская пена.
Почти утратив русский вид,
Тверич в халате бессермена
На горы крымские глядят.

Там где-то Русь,
Там Волги плесы,
Там Тверь!
Сродни морской воде,
Соленые скупые слезы
Сбегают к русой бороде.

От слез и солнца
Море в блеске,
Дрожит в тумане горный кряж,
И стены Кафы генуэзской
Еще похожи на мираж...

За ним —
Три моря переплывтых,
Чужие земли,
Города,
Базары,
Женок непокрытых
Коричневая нагота.

За ним —
Тропические ливни,
И зной,

И бред тревожных снов.
Над всеми золотые бивни
Султанских ряженных слонов.

За ним —
Чужих народов битвы,
И он от родины отвык.
Магометанская молитва
Упрямо лезет на язык.

Волнуясь, шепчет пилигрим:
— Аллах рагим... Аллах керим...

Но вот
Нога земли коснулась.
И, словно к берегу прибой,
Речь русская к нему вернулась
И полилась сама собой:

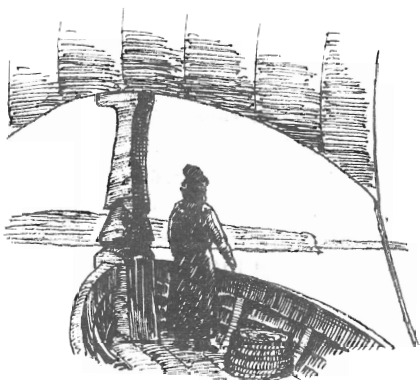
— Я, Афанасий, раб твой, боже,
Плетусь в родимые поля.
Везде, где был я, нет пригожей
Земли, чем русская земля.

Весной в цветах,
Зимой седая,
То в злате вся, то вся темна.
Вся грешная и вся святая,
Лесная, горная, степная,
Озерная —
На всех одна.

Не жемчуг —
Весть о жизни схожей
Принес я из-за трех морей.

Бояре наши и вельможи
Вельмож индийских не добрей.

Храни ее,
Чтоб укрепилаесь,
Стояла б до исхода дней.
Храни ее...
И справедливость
Да установится на ней!

*

Мне сказали:
Полно, море смеет
Боль обид
И пыль земных дорог.
Мне сказали:
Море услышит
Ото всех прилипчивых тревог.

Вот и море!
Вот оно волною,
Гальками прибрежными шуршит.
Ничего, что пережито мною.
Не смывает —
Только ворещит.

«НЕИЗВЕСТНАЯ»

Если белые вихри навстречу летят,
Проезжая село, не погреться рискованно...
В Кулундинской степи,
В третьей чайной подряд,
«Неизвестную» мы повстречали Крамского.

И пока чистим ржавую воблу,
Пока
Делим горькую водку
По стопке на брата,
«Неизвестная» смотрит на всех свысока,
Приподняв свои длинные брови крылато.

Под бровями
Тенистых ресниц густота,
Под ресницами грусть
И чуть-чуть удивленье,
В добрых линиях губ —
Чистота, красота,
О которых тоскует мое поколение.

Отогрелась душа, и оттаяла боль,
Незажившая рана, как прежде, заныла...
Гроздь увидев
Косы ее темной, как смоль,
Вспомнил ту,
Что своей красоте изменила.

Мне обидно до слез, что ее упустил
Тот, кто нашей мечты
И на шаг не приблизит.
А вот эта,
Которой я все бы простил,
Не обидит других и себя не унизит.

А вот эта, дающая крылья мечте,
В кулундинскую глушь
Не могла не явиться,
Чтобы мы,
Пробиваясь к большой красоте,
На суровом пути не могли заблудиться.

Нас не случай в холодные степи занес,
Мы давно человеческой радостью бредим.
Мы выходим за дверь.
Пусть крепчает мороз
И бушует пурга на дорогах, —
Доедем!

КРАСИВЫМ

Люблю красивых...
Жизнь их,
Быт их,
Глаза,
Улыбку,
Добрый смех
Воспринимаю
Как открытые,
Наиглавнейшее из всех.

В них все:
И ум,
И обаянье,
И гордый жест,
И поступь их —
Мне явится
Как оправданье
Всех мук моих,
Всех слез моих.

Зачем
Прекрасными чертами
Так полно
Каждый наделен?
Красивые,
Они за нами
Пришли из будущих времен.

СКУЛЬПТОР

Он так говорил:

— Что хочу — облюбую,
А что не хочу — недостойно погони. —
Казалось, не глину он мнет голубую,
А душу живую берет он в ладони.

Ваятель,
Влюбленный в свой труд до предела,
Подобен слепому:
Он пальцами ищет
Для светлой души совершенное тело,
Чтоб дать ей навеки живое жилище.

Не сразу,
Не сразу почувствовать смог он,
Не сразу увидеть пришедшие властно:
И девичий профиль,
И девичий локон,
Капризную грудь,
Задышавшую часто...

Но тщетно!
И, верен привычке старинной,
Он поднял над нею дробительный молот
За то, что в душе ее — глина и глина...
За то, что в лице ее — холод и холод...

Нам жизнь благодарна
Не слава охранной,
А мукой исканий, открывшем секрета...
Однажды,
На мрамор взглянув многогранный,
Ваятель увидел в нем девушку эту.

Невольно тиха
И невольно послушна,
Она, плененная, крикнуть хотела:
«Скорее, скорее!
Мне больно, мне душно,
Мне страшно!
И мрамор сковал мое тело».

— Не будешь,
Не будешь,
Не будешь томиться,
Ты видишь, как рад твоему я приходу! —
Схватил он резец,
Словно ключ от темницы,
И к ней поспешил,
Чтобы дать ей свободу.

Заспорил он с камнем,
Как с недругом ярим...
И, споря с тем камнем,
Боялся невольно,
Чтоб пряди не спутать,
Чтоб резким ударом
Лицо не задеть
И не сделать ей больно.

Из белого камня она вырывалась,
Уже ободренная первым успехом,
С таким нетерпеньем,
Что мрамор, казалось,
Спадал с ее плеч горностаевым мехом...

С тех пор,
Равнодушная к пестрым нарядам,
Легко отряхнувшись
От мраморных стружек,

Глядит она тихим,
Задумчивым взглядом
На мимо идущих веселых подружек.

На жизнь трудовую,
Чтоб здесь не стоять ей,
Она променяла бы долю такую.
Стоит и не знает она, что ваятель,
Блуждая по городу,
Ищет другую.

СЛЕПОЙ

Людей не видя пред собой,
Не замечая в сквере лавочки,
По улице идет слепой,
Потрагивая землю палочкой.

Его толкнут,
Пройдут вперед,
И тотчас, торопясь вмешаться,
Какой-то зрячий призовет
Быть чуткими
И не толкаться.

Но слышу голос я его,
Негромкий в человеческом гуде:
— Толкайтесь... Это ничего...
Я буду знать,
Что рядом люди.

*

Вот попробуй
И душу вырази,
Если ночью
И ночь не впрок,
У соседа
На строгой привязи
Плачем плачет
Малый щенок.

Отучают его
От радостей,
Приучают
В страхе ночей
К дикой злости,
К волчьей зубастости,
А щенок не поймет
Зачем.

Ты на злость
Его не натаскивай,
Ржавой цепью
Его не бей.
Я ведь знаю щенка,
Он ласковый,
Ищет дружбы
У всех людей.

Мой Варяг,
Это, брат, собачище,
Да и то не бывал
В цепях.
У меня собаки
В товарищах,

И щенки у меня
В друзьях.

Ночь холодная
Пасть раззявила.
Ты не плачь, щенок, —
Сам реву...
Я убью
Твоего хозяина,
Цепь железную
Разорву.

*

Елки-палки,
Гнезда белкины,
А над ними спевка птиц...
Я хожу по Переделкину
Сам не свой,
Как Датский принц.

И душа моя
Встревожена
И тоскует неспроста:
От прохожих отгорожена
Вся лесная красота.

Как причина
И как следствие,
Слышится ушам моим:
«Мы на грани сумасшествия!..
Не напрасно ли шумим?..»

Обжигают
Мысли гневные,
Что березки, черт бери,
Как красавицы гаремные,
Прозябают
Взаперти.

Сосны
Загнаны во дворики.
Но спасибо высоте,
Потому что все заборики
По колено красоте.

НЕЧТО О СОБАКЕ

Мой Джек,
Тебя я не учу,
И ты не будешь
Прирученным.
Мой милый Джек,
Я не хочу,
Чтоб слыл ты
Псом псевдоученым.

В Москву не рвись,
Живи, брат, тут,
Главенствуй
В деревенской драке.
Мой честный Джек,
В Москве живут
Высокомерные собаки.

А у иных
Забитый вид.
Там даже маленькая моська,
Выслуживаясь, норовит
Нести хозяину
Авоську.

Там руки лизут,
Не любя,
Там, и любя,
Тебя замучат.
С постельной сучкою тебя
Консолидации научат.

Научат
На тахте лежать
И, приобщив к манере тонкой,

Тебя научат подражать
Неврастенической
Болонке.

Ах, Джек мой,
При твоём уме,
При стати
Ты уже с изъянцем.
Не мною,
А в чужой семье
Ты назван Джеком
Иностранцем.

Я рад.
Что сложная судьба
Тебя не трогает
Ни крошки.
Уже у пятого столба
На это все
Ты поднял ножку.

Я — СЛОВНО ДОМ...

**Я — словно дом...
За беглецом — беглец,
В нем каждый год
Меняется жилец.**

**Сначала в доме
За его пазами
Жил мудрый мальчик
С тихими глазами.**

**Трудолюбивый,
Жадный до всего,
Все в дом тащил
И украшал его.**

**Для бурь и стуж,
Предвидя с ними встречи,
Он душу сложил
В меру русской печи.**

**Когда оставил он
Свое жилье,
В его проектах
Уже было все.**

**За мальчиком
Жил юноша в дому,
Во всем послушный
Мальчику тому.**

**Тот наказал взлететь
Во звездный рост,
И юноша взлетел
Почти до звезд.**

Тот наказал не пить,
И он не пил,
Табачным дымом
Стены не коптил.

И вдруг явился,
Не подав вестей,
Неукротимый
Человек страстей.

Дом задрожал
И загудел от встрясок,
От переделок,
Выпивок и плясок.

Еще сырой,
Невыстоянный в лето,
Дом затрещал,
Огнями перегретый.

Не только в дом,
Теперь, страстями ведомый,
Жилец уже
Потаскивал из дома.

Но тут на смену
Жизни гулевой
Пришел суровый
Мастер цеховой.

В нем уже все —
Бунт сердца,
Крик души
Смиряли
Заводские чертежи.

Те чертежи —
Дороги в бездорожье,
Как истины
Несовместимы с ложью.

Они учили
В их хитросплетеньях
Мир прозревать
Во многих измереньях.

И лишь потом,
Познавший тайну эту,
Я дал в себе
Прибежище поэту.

Мечтатель,
Истязатель сам,
И кроме
Он всех вернул,
Кто жил однажды в доме.

Всех, всех вернул,
Смешал в себе охотно —
И мальчика,
И летчика,
И мота.

Он мог весь дом
На бревна раскатить,
Чтобы дорогу к милой
Намостить,

Мог, как Нерон
С потемками в мозгу,
Полдома сжечь,
Чтоб осветить строку.

Душа поэта
Где-то кочевала,
Случалось, что в дому
Не ночевала.

Поэт строчит,
Пыхтит, дымит к тому же,
Поэту хорошо,
А дому — хуже.

Старело все,
Что прошлое скопило:
Кривились стены,
Падали стропила.

Венцы в беде.
Сменить бы два венца
И снова ждать
Хорошего жильца.

*

Долго
Поклонявшийся железу,
Сделавшийся пасмурней
И злей,
К людям не тянусь,
Тянусь я к лесу.
Мне в лесу
Отрадней и теплей.

Что-то чувствую
В себе больное...
Может быть, порывисто дыша,
Обо все железное, стальное
Иступилась чуткая душа.

Люди — судьи.
Что мне пользы в судьях?
А в лесу, повеселев умом,
Буду снова думать я о людях,
О любимой,
О себе самом.

Верю,
Что путь еще не пройден,
Сяду в затененном уголке,
Стану свою душу на природе
Править,
Как на вечном оселке.

К СТИХАМ

Не радуясь
Высокому родству,
Смотрю я с болью
На поэмы эти.
Так смотрит мать,
Когда в семье растут
Большой любви
Глухонемые дети.

Не знаю,
Время ли тому виной,
Моя ли кровь,
Как знать,
Мое ли имя?
Вы научились
Говорить со мной,
Но, дети,
Надо ж говорить с другими.

Не избежать
Ни равнодушных глаз,
Ни строгих глаз,
Что видят все пороки.
Хорошие мои,
Быть может, вас
В чужой душе
Задержат на пороге

Не обижайтесь,
Добрый мир широк,
Не бойтесь
Ни дождя,
Ни зимней стужи.
Возьмите от меня
Терпенья впрок,
К другим идите
И стучитесь в души.

ЗАМЕТЫ

*

Мы спорили
О смысле красоты,
И он сказал с наивностью младенца:
— Я за искусство левое. А ты?
— За левое...
Но не левее сердца.

*

Различий нет,
А есть года,
Есть возраст —
Разница лишь в этом.
Наружностью
Земля — планета,
А в глубине
Она — звезда.

*

Себе сказал
И говорю другим,
Всем говорю
С упорством постоянным:
Язык любви
Не может быть нагим,
Язык борьбы
Не должен быть туманным.

*

Забываясь о своем
Довольно добром даре,
Он сберегал себя,
Как скрипку Страдивари,
Но, избежав все зло,
Все страхи мук,
Он начал издавать
Фальшивый звук.

*

**Что пользы
Вечно малым пробавляться:
Бояться жить
И умереть бояться!**

*

**Поколенья...
Мы двух поколений поэты.
Кто зажегся вперед,
Тот вперед отгорит.**

**Мы с тобой —
Как ступени летящей ракеты:
Оторвется одна,
А другая вперед полетит.**

*

Отдам народу
Сердце,
Руки,
Но только пусть не говорят,
Что я слуга народа..
Слуги
Всегда с хозяином хитрят.

*

Пусть недруги бранят,
Трудись, не споря.
Они тебя гранят
Себе на горе.

*

Изо всего того,
Чем люди дышат,
Что не дает
Качнуться и упасть,
Есть красота.
Она из благ всех выше,
А выше красоты
Лишь страсть.

*

Известный спор
Меж школами и школками
Закончу я,
В сознание правоты.
Хоть наши Музы
И ходили голыми,
Поэзия не терпит наготы.

*

Хочешь ведать,
Как писалось?
На душе
За жизнь мою
Все skipелось,
Все слeжалось.
Отколю —
И выдаю.

*

Молодая береза совсем не белая,
Белой береза бывает зрелая.
Та не рябина, что днями поздними
Птиц не поманит красными гроздьями.
Та не девушка, не красавица,
Если никто на нее не зарится.

*

Любит совесть?
Нам не в новость
Доброта людей таких.
Негодяи любят совесть,
Когда совесть —
У других.

*

Что пчела
Врага карает,
Трутня не касается.
Трутень мед не собирает —
Вот и не кусается!

*

Есть в дружбе
Доброе ядро,
Прекрасно слово — друг,
Но дружба —
Это не бюро
Приятельских услуг.

*

Кто любит сласть,
Тот сладости добьется.
Была бы власть,
А подхалим найдется.

*

— Не изменяй! —
Ты говоришь любя.
— О, не волнуйся.
Я не изменяю.
Но, дорогая...
Как же я узнаю,
Что в мире нет
Прекраснее тебя?

*

На разлуке,
На муке стою..
Вот и все.
Вот и время проститься.
И целую я руку твою,
Как крыло
Улетающей птицы...

*

Берегите меня
До последнего дня.
Берегите меня
До последнего часа,
Берегите меня,
Как цыгане коня,
Чтобы гикнуть потом
И умчаться.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Юрий Прокушев. Слово о друге 5

НА РОДИНЕ МОЕЙ..

«Имел бы я всевещий ум пророка...»	13
«Прощай, село!..»	14
«Нелегко рожденному в Сибири...»	15
«На родине моей выпали снега...»	16
На берегу	17
«Я не люблю немые реки...»	19
«Я шел тропой...»	20
«Цветы, родившиеся ночью...»	23
Озеро Кайдор	24
Русская сказка	27
«До того, как средь множества прочих...»	29
Кузьмиха	30
Земля	32
«Да Винчи говорил...»	34
Третьи петухи	35
«С тех пор, как тобою поклялся...»	38
«Мне б, не горбясь под ношею...»	40
Муза	41
Весной	44
«Звери, травы сминая...»	45
Костер	46
Морошка	48
«Зимний ветер, гигикни над елью...»	50
«Тяжела, себе не рада...»	51

Слово	52
Еще о конопле	54

ИЗ КНИГИ ЛЮБВИ

«По главной сути жизнь проста...»	57
«Цветы и травы пахнут так...»	58
«Как цветы на заре...»	59
«Любовь мне, как блистание...»	61
«Лицо тоскою выбелю...»	62
«Влюбленных шумно легок воз...»	63
«Ветер ходит метелицей...»	64
Коршун	65
Оставьте мне тайну...	66
Второй огонь	69
Елена Прекрасная	70
«Как хорошо, что за крутыми...»	74
«Цыганка пела про любовь...»	75
«В наше счастье веры больше нету...»	76
«Твердишь ты, что расстаться нам пора...»	78
«Прощай! Нам слез не лить...»	79
«Я ушел. Ни к чему теперь вздохи...»	80
«Нас развела ее несмелость...»	81
«Душе безысходней...»	84
«Любил, как сон, прелестную...»	85
«А я когда-то думал, что седые...»	86
«У моей у любви, у страсти...»	87
«Еще недавно нам вдвоем...»	88
«Знакомо, как старинный сказ...»	89
«Не затем я горячее сердце ковал...»	90
«Дымок свивается в колечки...»	91

ЛИЦО ВЕКА

«Наше время такое...»	95
Сердца	96

Судный день	97
Совесьть	98
Другу	102
Рабская кровь	104
«Ни в благодушии ленивом...»	106
Пророчество	107
Лицо века	109
Трудовая книжка	111
Полынь-трава	113
«О, Русь моя!..»	115
С тобой, Россия	117
«Счастливый, я не нужен никому...»	120
Возвращение	122
«Мне сказали: полно, море смое...»	125
«Неизвестная»	126
Красивым	128
Скульптор	129
Слепой	132
«Вот попробуй и душу вырази...»	133
«Елки-палки, гнезда белкины...»	135
Нечто о собаке	136
Я — словно дом...	138
«Долго поклонявшийся железу...»	142
К стихам	143

ЗАМЕТЫ

«Мы спорили о смысле красоты...»	147
«Различий нет, а есть года...»	—
«Себе сказал и говорю другим...»	148
«Заботясь о своем довольно добром дар...»	—
«Что пользы вечно малым пробавляться...»	149
«Поколенья... Мы двух поколений поэты...»	—
«Отдам народу сердце, руки...»	150
«Пусть недруги бранят...»	—
«Изо всего того, чем люди дышат...»	151

«Известный спор меж школами и школками...» . . .	151
«Хочешь ведать, как писалось?..»	152
«Молодая береза совсем не белая...»	—
«Любит совесть?..»	153
«Что пчела врага карает...»	—
«Есть в дружбе доброе ядро...»	154
«Кто любит сладость, тот сладости добьется...»	—
«Не изменяй! — ты говоришь любя...»	—
«На разлуке, на муке стою...»	155
«Берегите меня до последнего дня...»	—

Для старшего возраста

Василий Дмитриевич Федоров

СТИХОТВОРЕНИЯ

ИБ № 8382

Ответственный редактор *Ю. Н. Спасская*. Художественный редактор *С. И. Нижняя*. Технический редактор *Н. Ю. Крапопкина*. Корректоры *Е. В. Куликова, Г. В. Романова*.

Сдано в набор 27.03.86. Подписано к печати 04.02.87. А05345. Формат 70×100¹/₃₂. Бум. офс. № 1. Шрифт обычнов. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Усл. кр.-отт. 13,33. Уч.-изд. л. 5,15. Тираж 100 000 экз. Заказ № 42. Цена 65 коп.

Орден *Трудового Красного Знамени* и *Дружбы народов* издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика «Детская книга» № 2 Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Федоров В. Д.
Ф 33 Стихотворения/Вступ. ст. Ю. Прокушева; Худ. Н. Крапивин. — М.: Дет. лит., 1987. — 159 с. (Поэтическая б-чка школьника).

В пер.: 65 к.

Сборник стихотворений известного советского поэта.

Ф $\frac{4803010102-245}{M101(03)87}$ 391—87

Р 2

65 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»